

**КАК
ПУТИНУ
ОБУСТРОИТЬ
РОССИЮ**

**СЕРГЕЙ
КАРА-МУРЗА**

**СПАСТИ
РОССИЮ**

**КАК НАМ ВЫЙТИ
ИЗ КРИЗИСА**

Сергей Георгиевич Кара-Мурза

Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса

Серия «Как Путину обустроить Россию»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056805

Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса / Сергей Кара-Мурза.:

Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0410-1

Аннотация

С.Г. Кара-Мурза – ученый, писатель, публицист, один из тех людей, к чьему мнению прислушивается и власть, и оппозиция. Его работы отличаются глубиной и огромным количеством приводимого в них фактического материала. В данной книге С.Г. Кара-Мурза проводит анализ проблем, возникших в ходе кризиса государства и общества постсоветской России. Здесь изложены основные положения доктрины реформы, последствия ее реализации и главные угрозы для России, порожденные в ходе трансформации прежнего жизнеустройства. Как всегда в работах С. Г. Кара-Мурзы, автор приводит тщательно разработанную

программу по преодолению негативных черт в жизни нашей страны и выходу России из кризиса.

Содержание

Ведение	5
Кризис в России и знания об обществе	9
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Кара-Мурза Спасти Россию. Как нам выйти из кризиса

Ведение

Надо признать, что реформы в России, начатые более двадцати лет назад, зашли в тупик. Почему так произошло? Отбросим предположения о том, что доктрина реформ являлась плодом сатанинского заговора против России. Но тогда остается признать, что ее замысел был в научном плане несостоятельным – он включал в себя ряд ошибок *фундаментального* и *тривиального* характера. Эти ошибки делались вопреки хорошо систематизированному историческому опыту России, вопреки предупреждениям множества советских и российских специалистов, вопреки предупреждениям видных зарубежных ученых. Этот факт требует рефлексии, ибо говорит об очень глубокой деформации всей системы норм научной рациональности в отечественном обществоведении.

Как известно, одна из главных идей, положенных в основание российских реформ, сводилась к переносу в Россию англосаксонской модели экономики. Эта идея выводилась

лась из, казалось бы, давно изжитого примитивного евроцентристского мифа, согласно которому Запад через свои институты и образ жизни выражает некий универсальный закон развития в его наиболее чистом виде. Американские эксперты, работавшие в Москве, отмечают: «Анализ экономической ситуации и разработка экономической стратегии для России на переходный период происходили под влиянием англо-американского представления о развитии. Вера в самоорганизующую способность рынка отчасти наивна, но она несет определенную идеологическую нагрузку – это политическая тактика, которая игнорирует и обходит стороной экономическую логику и экономическую историю России».

Народное хозяйство и жизнеустройство любой страны – это большая система, которая складывается *исторически* и не может быть переделана исходя из доктринальных соображений. Выбор в качестве образца для построения нового общества России именно США – страны, созданной на совершенно иной, нежели в России, культурной матрице, – не находит рациональных объяснений. Трудно сказать, какие беды пришлось бы еще испытать российскому народу, если бы у реформаторов действительно хватило сил загнать Россию в этот коридор.

Дж. Грей пишет: «Значение американского примера для обществ, имеющих более глубокие исторические и культурные корни, фактически сводится к предупреждению о том, *чего им следует опасаться*; это не идеал, к которому они

должны стремиться. Ибо принятие американской модели экономической политики непременно повлечет для них куда более тяжелые культурные потери при весьма небольших, чисто теоретических или абсолютно иллюзорных экономических достижениях».

Дело вовсе не в идеологии, речь идет об исторически заданных *ограничениях* для выбора модели развития. Можно говорить о рациональности неолиберализма – в рамках специфической культуры Запада и его экономической реальности. Но это вовсе не значит, что постулаты и доводы неолиберализма являются рациональными и в существенно иной реальности – например, в России. Это – элементарное правило. Еще в 1996 году американские эксперты, работавшие в РФ (А. Эмсен и др.), признали: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества».

Страх – понятная эмоция специалистов, чьи рекомендации привели к катастрофе. Но почему этот страх не был обуздан рациональным научным знанием? Объяснить этот феномен – приоритетная задача интеллигенции. Какова природа *невежества*, которое привело реформы к тяжелому кризису? Изживается ли это невежество сегодня?

Думается, что нет. Высшая научная элита страны в своих книгах, докладах и выступлениях в СМИ задает стандарты понятийного языка, критерии, логику и меру. Была создана и силой авторитета навязана большей части гуманитарной

интеллекции аномальная *методологическая парадигма*. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности и не ориентация на достоверность и истину, а корпоративные и партийные интересы. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элиты, СМИ.

Преодоление этого явления, возвращение к нормам научной рациональности – сейчас является важнейшей для нас задачей.

Кризис в России и знания об обществе

Старшее поколение в течение последних 30 лет было свидетелем *несостоятельности* советского, а потом постсоветского обществоведения. Молодежь, может быть, этого так остро не чувствует, потому что основной провал обществоведения произошел раньше, чем она вошла в активную, сознательную жизнь. Это 80-е годы и первая половина 90-х годов XX века.

Говоря о провале обществоведения, мы имеем в виду его отказ как системы, как целостного института давать *достоверное знание* о главных процессах, происходящих в обществе, объяснять причины *главных противоречий* и вероятные *последствия* при том или ином ходе событий. Невыполнение этой главной функции не исключает, что при этом отдельные личности или малые коллективы ученых выполняют блестящие частные исследования, расшифровывают берестяные грамоты, пишут интересные монографии. Отказ системы заключается в том, что все эти блестящие частные работы не соединяются в знание и понимание массивных общественных процессов.

Поговорим о главных причинах этого провала, отвлекаясь от множества *отягчающих обстоятельств*, которые часто и

принимают за причины. Их мы в дальнейшем, в ходе последующих лекций, будем добавлять, уточняя и приукрашивая картину. А сейчас сформулирую основные причины, как они видятся сегодня.

Сначала – банальные, очевидные вещи. Человек живет в трех «мирах» – мире *природы*, мире *техники* (искусственно созданной *техносфере*) и *обществе*. Все они сцеплены между собой, и знание о каждом блоке перекрывается с другими. И в то же время каждый из этих «миров» обладает достаточной автономией, чтобы стать предметом специального знания. Поэтому мы различаем *природоведение*, систему знаний о *технике* как материальной культуре и знание о *человеке и обществе*.

При этом знание об одной сфере становится инструментом познания в другой. Так, в знании о человеке используются целые блоки знания о технике – человека уподобляют машине, которая служит полезной моделью. Борьбу за существование зверей в джунглях переносят на мир человека в качестве метафоры, на которой основано социал-дарвинистское представление об обществе. Это прием познания, стимулирующий мысль, но часто – ведущий к ошибке. В то же время наблюдается *антропоморфизм* – проекция идеального типа человеческих отношений на природу.

Сравним образы животных у Льва Толстого и Сетона-Томпсона (его рассказы раньше были очень популярны). Толстой, с его утверждением любви и братства, изобража-

ет животных бескорыстными и преданными друзьями, способными на самопожертвование. Рассказы Сетона-Томпсона проникнуты рыночной идеологией в стадии ее расцвета, животные у него наделены чертами оптимистичного и энергичного бизнесмена, идеального *self-made man*. Если они и вступают в сотрудничество с человеком, то как компаньоны во взаимовыгодной операции.

Тем не менее, несмотря на заимствование метафор и аналогий из мира природы и техники, мы примерно одинаково представляем себе корпус знания об обществе, или *обществоведение*. Общество как самостоятельный объект наших наблюдений и размышлений поглощает оригинальность привнесенных метафор.

Эти знания и размышления возникли вместе с человеком, он сразу сгруппировался в человеческие общности и не пребывал долгое время в промежуточном состоянии *стада*. Появление разума резко усилило, ускорило эволюцию человека. Он возник, по историческим меркам, действительно очень быстро, как будто был *сотворен*. Человек сразу стал осознавать мир и себя в нем, создавать *знание* обо всех «трех мирах».

Сначала это было *мифологическое* знание, потом – *религиозное*. Накопление опыта, который упорядочивался и систематизировался, создавало массив *традиционного* знания. *Художественное* знание появилось сразу же, на самых ранних стадиях развития человека.

Таким образом, мы можем представить знание об обществе как сложную систему, которая включает в себя много разных способов познания и сохранения знаний о человеке и обществе. Эта система развивалась на протяжении всей жизни человечества, и никакой из видов этого знания не был устранен. Система надстраивается, появление новых типов познания увеличивает ее разнообразие.

До сих пор мы в огромной степени мыслим об обществе *мифологически*, т. е. пользуемся мифами, которые и создаются, и вытесняются другими, и разрушаются. Это – важная часть обществоведения. Мы пользуемся *здоровым смыслом*, быстро соединяя кусочки разного знания и принимая в срочном порядке по возможности лучшее решение. Мы постоянно обращаемся к накопленным многими поколениями *традиционным* знаниям (знаниям *ремесленного* типа). Литература, искусство дают современному культурному человеку очень большую часть знания об обществе, записанную на языке *художественных* образов. Этика, нравственность, идеология (которая появилась сравнительно недавно) – это тоже типы знания.

Но в XVII веке произошла огромная культурная мутация. В Западной Европе, перетекая одна в другую, произошли четыре революции. Религиозная революция – протестантская *Реформация* – изменила представления о Боге, о взаимодействии человека с Богом, а значит, и человека с человеком. Затем прошла *Научная* революция, которая создала новое

представление о мире, в том числе и о человеке. Она дала человеку совершенно новый способ познания – *науку*.

Наука породила новый тип техники – прецизионную машину, которая стала основой современного промышленного оборудования. Возникла фабрика как *система машин*, произошла *Индустриальная* (промышленная) революция, которая перевернула организацию общества – и производство, и быт, и социальную структуру. Произошли и *политические* (буржуазные) революции, которые оформили все эти изменения как новый общественный строй. Возникло новое, индустриальное общество, названное *современным* (обществом *модерна*). Возник новый человек, по своей культуре и самосознанию резко отличающийся от человека Средневековья. Возникла новая цивилизация, которую мы знаем как *современный Запад*.

Эта цивилизация оказалась очень энергичной, ей была необходима постоянная экспансия, нужно было постоянно расширяться в разных измерениях – географически, экономически, в познании, в военной силе... Так акула не может стоять на месте, она должна все время плыть, чтобы дышать.

Большую часть мира Запад превратил в свои колонии, овладел этим пространством. Многие местные культуры при этом погибли. Сильным цивилизациям пришлось закрываться от Запада разными барьерами – культурными, военными, экономическими. И при этом они были вынуждены *модернизироваться*. Чтобы устоять перед историческим вызовом

со стороны Запада, им нужно было осваивать средства, дающие ему силу, – знания, технологии, многие общественные институты. Это освоение западных достижений и называется *модернизация*.

Модернизация – тяжелый, болезненный процесс. Россия, которая была намного больше открыта Западу, чем, например, Китай или Индия, пережила несколько волн и *кризисов* модернизации. Для нашей темы важен тот факт, что на Западе уже в ходе Научной революции возник принципиально новый метод познания общества – *научное обществоведение*.

Когда в Западной Европе возникло новое общество, оказалось, что прежние способы господства и управления стали неадекватными новой социальной структуре и новой культуре. Раньше, в рабовладельческом и сословном обществе, люди были закреплены в строго определенных нишах с хорошо отработанными на опыте средствами господства. Старого опытного традиционного знания было достаточно, чтобы управлять обществом. Важнейшую функцию в этом выполняли жрецы, а затем – Церковь. Религия была инстанцией, беспрекословно задающей нормы поведения.

Теперь, в новом обществе, появились массы людей, не включенных ни в какие общинные структуры; к тому же это были массы, порожденные *революцией*, люди с новым мышлением, отвергающие прежнюю иерархию и прежние авторитеты. Сам мир был лишен святости в ходе протестантской Реформации, тем более, лишенными святости оказались го-

сударство и власть. Требовалось новое знание об обществе, полученное с помощью новых методов исследования.

Знание это требовалось *срочно*. В 1996 году в журнале «Социологические исследования» состоялось заседание «круглого стола» на тему «История социологии и история социальной мысли: общее и особенное». Ж.Т. Тощенко высказал такую мысль: «Как и когда размежевались между собой социальное и социологическое знание, когда наступила грань, позволившая говорить о социологии как суверенной науке? Какие причины привели к ее институализации?»

Соглашусь с выводом, что история социальной мысли включает в себя все многообразие и богатство знаний об обществе... Что же касается социологического знания (даже не затрагивая многочисленных споров о предмете социологии), то оно могло появиться в условиях изменившихся обстоятельств – человек стал самоценностью исторического процесса лишь в период буржуазных революций, и именно это было основанием для возникновения новой социальной науки. К тому же она стала прибегать к методам познания, не применяемым другими социальными науками, но широко используемым в “точных”. Конечно, социологическое знание в момент своего конституирования было во многом несовершенно, неполно, отрывочно, что затем, в определенной степени, постепенно восполнялось (и до сих пор восполняется) трудом последователей и представителей данной отрасли знания».

Но я считаю, что главным побудительным толчком к возникновению социальной *науки* была не столько осознанная самооценность человека, сколько осознанные *угрозы*, зарождавшиеся в новом обществе. В ранних обществах главные угрозы порождались природными катаклизмами – засухами и наводнениями, землетрясениями и извержениями вулканов. Эти опасности не исчезли, хотя от большинства из них человек оказался защищенным техникой и, шире, культурой. В Новое время главные угрозы стали порождаться самим *обществом* – и создаваемой человеком техносферой, и конфликтами интересов между социальными или национальными общностями, и быстрыми сдвигами в массовом сознании или в коллективном бессознательном. Возникла, например, массовая преступность совершенно нового типа, и надо было искать новые способы «надзирать и наказывать», изобретать тюрьмы совершенно нового типа.

Эти угрозы для их предвидения и преодоления требовали уже интенсивной исследовательской работы в рамках научного метода – традиционного знания и здравого смысла для этого было недостаточно. Само управление должно было стать *технологией*, основанной на знании научного типа.

Так и возникло обществоведение – не ремесленное, не опытное, а *научное*. К сожалению, образование не дало нам знания *истории* этого процесса. В последние тридцать лет само западное обществоведение начало раскапывать истоки тех смыслов и представлений, на которых стоит современ-

ное общество Запада. Французский философ Мишель Фуко начал большой проект «Археология знания». Он стал выявлять те корни современного знания об обществе, которые предопределили тип самосознания Запада. Книги этой серии очень интересны, с ними мы лучше понимаем нашу историю, находя и отличия от Запада, и то, чему Россия научилась у него.

Какова предыстория современного российского обществоведения в сравнении с западным?

Начнем с того, что Россия – как государство и как цивилизация – очень *молода* по сравнению и с Западом, и с Востоком. Той предыстории, которая была у Запада, у нас нет, а из нее многое вытекает.

Древние Греция и Рим имели обществоведческие тексты *протонаучного* типа уже с IV века до н. э., в античной философии. «Афинская полития» Аристотеля – это трактаты об обществе, государстве и власти, которые и сегодня воспринимаются как вполне современные (их следовало бы почитать нашим политикам, даже со степенью доктора политических наук). Фундаментальным обществоведческим трудом был «Свод гражданского права» византийского императора Юстиниана (середина VI века). Главная его часть была издана в 50 томах. Античная философия, политология и право вошли в культуру и даже в массовое сознание Запада, когда в Европе с конца XI века начали вводить римское право, причем обучение ему было именно *массовым*.

Христианская философия, христианское представление о человеке и обществе, опирающееся на систему религиозных постулатов, тоже отложились в большом своде обществоведческих текстов. Достаточно вспомнить Бл. Августина, который, по словам русского православного философа Е.Н. Трубецкого (1863–1920), «собирая обломки древней культуры, вместе с тем закладывал основы средневекового, частью же и новейшего европейского мирозерцания... Будучи отцом и, можно сказать, основателем средневекового католичества, он вместе с тем другими сторонами своего учения был пророком протестантства».

Историки указывают на условия, которые уже с конца IV века стали разводить пути развития Восточной и Западной частей Римской империи. В Константинополе сложилась крепкая светская власть императора в единстве с Церковью, а на западе с трудом поддерживалось неустойчивое равновесие между христианской и языческой частью расколотого общества при постоянных угрозах со стороны варваров.

Е.Н. Трубецкой пишет об этом в своем труде «Мирозерцание Блаженного Августина»: «Атомарный индивидуализм разлагающегося общества в то время уже сливается с индивидуализмом пришлых германских элементов, проравшихся в империю. Расшатанный до основания государственный порядок уже не в состоянии сдержать анархического произвола, и церковь одна стоит против индивидуализированной личности с ее стремлением к безграничной сво-

боде и ненасытной жадной жизни. Привыкшая к разносторонней практической деятельности – не только духовной, но и мирской, – церковь мало-помалу проникается элементами античной культуры, насыщается государственными идеями Древнего Рима. Ее епископы являются представителями не только духовной власти, но и светских преданий, юридических и административных. Ее духовенство в управлении и господстве над людьми, и пастыри ее могли быть для варваров не только наставниками в вере, но и учителями права».

Августин выразил драму человека в обществе, переживающем колоссальный мировоззренческий, духовный и социальный сдвиг – от языческой древности к христианскому Средневековью и от рабства к новому жизнеустройству. Его «Исповедь» близка нам сегодня по ощущению подобного кризиса.

Вселенские соборы и диспуты с еретиками, организация монастырей и школ, хозяйственные отчеты управляющих поместьями рыцарских орденов, разработка больших программ типа Крестовых походов – все это было насыщено проблематикой, которую мы сегодня отнесли бы именно к обществоведению. В Средние века схоласты в монастырях и университетах вырабатывали нормы и методы дискуссий, способы постановки задач и средства умозаключений. Они выполняли исключительно трудоемкую работу по созданию познавательных средств, приложимых к реальности общества. Масштабы этой интеллектуальной работы были, по

меркам Руси того времени, очень и очень велики. Трудно сказать, каким было бы Русское Средневековье, если бы не нашествие монголов. Но исторической реальности не изменишь.

Литература, практически современного типа, возникла на Западе очень давно. В XVI веке многие произведения уже представляли собой замечательные обществоведческие и философские трактаты. Сервантес и Шекспир одновременно представили два главных социокультурных ареала Запада. Сервантес описал традиционное общество католического юга, а Шекспир – общество и составляющие его культурные типы уже периода грядущей Научной революции и Реформации. «Дон Кихот» и «Гамлет» – сложные и очень важные обществоведческие модели.

Университеты и книгопечатание – огромное дело. Болонский университет учрежден в 1088 году, в нем учились великие философы и поэты (назовем Данте Алигьери, Франческо Петрарку и Николая Коперника). В Средние века книг было очень мало – в церкви обычно имелся один экземпляр Библии (хотя качество тех изданий потрясает). В университетах за чтение книги бралась плата. Первые книги были изданы с помощью печатного станка Гутенберга в 1445 году, и еще до конца XV века в мире работало уже свыше тысячи типографий. По историческим меркам мгновенно был превышен весь наличный фонд рукописных книг человечества. Всего за 50 лет книгопечатания в Европе было издано 25–

30 тыс. названий книг тиражом около 15 млн. экземпляров. Это был переломный момент. На массовой книге началось строительство и новой школы.

Таким образом, та культурная почва, на которой должно было взрасти современное обществоведение, нарастала на Западе очень долго и культивировалась очень большими силами.

Если взглянем на Восток – та же самая картина. Китайская цивилизация насчитывает более двух тысяч лет (некоторые историки говорят о пяти тысячах). Введение единой системы письма и государственной идеологии (конфуцианства) произошло в I веке до н. э., а это – признак уже весьма высокого уровня развития. Культурный китаец сегодня оперирует сентенциями, изречениями и аллегориями из литературы очень большой исторической глубины. Как говорят китаеведы, в глубоком захолустье можно увидеть, как плывет на лодке с шестом крестьянин и поет для себя арию из средневековой оперы.

Возьмем переводы рассказов китайского писателя XVII века Пу Сунлина «Лисьи чары» и «Монахи-волшебники». Они вышли в СССР в 1922 году, а затем неоднократно переиздавались большими тиражами. В русскую культуру этот шедевр ввел В.М. Алексеев (с 1918 года – профессор Петроградского университета, с 1929 года – член АН СССР). Эти рассказы – замечательное описание средневекового китайского общества, с множеством оттенков и экскурсами в

историю.

Наше представление о Монголии сложилось на основе знаний XIX–XX веков, через четыре века после ее упадка. А ведь в XIII–XIV веках это государство было объектом внимательного изучения китайских и арабских исследователей. Уже сочинения 1233–1236 годов содержали ценные сведения о государственном аппарате, правовой системе, военном деле и разведке монгольского государства в период подготовки небывалого по масштабам похода в Восточную Европу (во главе с Батыем). Эти сочинения – продукт общественного сознания высокого уровня. Таков и более поздний труд Марко Поло, который и сегодня актуален для нас как источник знания об империи монголов на территории будущей России.

Выдающимся памятником XIII века является «Тайная история монголов», а также собрание последующих средневековых летописей. Монголия была центром, куда стекались культурные ценности и съезжались ученые всего Востока. В закрытом фонде музея в Улан-Баторе хранятся буддийские энциклопедии. Это Канон *Ганджур* («Прямые слова Будды»), составленный в первой трети XIV века. Он состоит из 108 томов. Вторая энциклопедия – *Данджур* («Перевод комментариев») – представляет собой 254 тома комментариев к Ганджуру, около трех с половиной тысяч текстов. В большой мере их можно отнести к категории обществоведческих. Трудно передать потрясение, которое испытываешь при виде этих великолепных, тисненых золотом прекрасно

иллюстрированных изданий. Это чудо, великое достижение разума и художественного вкуса.

Энциклопедии занимают стеллажи вдоль стен зала, а в центре, под стеклом – монгольские приключенческие романы о путешествиях в Индию, богато иллюстрированные. И это XIV век!

Какова база под знанием об обществе в нынешней Японии? Тоже мощная. Когда в XIX веке там разрабатывали большую программу модернизации («реставрация Мэйдзи»), то изучали исторические документы, чтобы сконструировать подходящие социальные формы для этой программы. Остановились на принципах межсословных и межклановых контрактов между самураями, крестьянами, ремесленниками и торговцами, которые действовали в XI веке.

Принципы межсословных контрактов, взаимная ответственность сторон, практика и результаты их применения были так глубоко и полно изложены, что этим знанием оказалось возможным воспользоваться и через 800 лет. Значит, уже в XI веке в Японии были хорошо развиты понятийный аппарат, логика и способ формализации знания в обществоведении – настолько, что это знание можно было легко перевести на современный язык и приложить к современным проблемам.

В древней Японии была хорошо развита и *социодинамика* обществоведческого знания в виде сети библиотек и книгохранилищ и в лице большого контингента образованных чи-

новников. До нашего времени дошел большой свод кодексов, детально регулирующих общественную жизнь. Российский японовед А.Н. Мещеряков упоминает знаменитый «манифест Тайка», изданный в 645 г. В этом указе были объявлены радикальные реформы прежней системы социально-политического устройства, такие как отмена частной собственности на землю и введение надельной системы землепользования, ликвидация личной зависимости, в которой находились некоторые категории населения, и др.

По словам А.Н. Мещерякова, интенсивные письменные коммуникации в Японии «обеспечили высокий уровень культурной гомогенности, не достигнутый ни в одной из крупных стран современного мира». И условием для этого было то, что уже в XI веке Япония была страной с небывало высоким уровнем грамотности. Важным фактором считается и то, что любимым занятием простонародья были *математические игры*. А в Европе в Средние века человек (за исключением специалистов) не умел даже *считать*. «Дух расчетливости» появился только у протестантов в ходе Научной революции. Когда в Японию в XVIII веке проникли португальские миссионеры и голландцы и стали преподавать математику, они были поражены тем, как легко понимали японцы высшую математику, новую и для Европы.

Таким образом, знание об обществе и в Западной Европе, и в больших культурах Востока накапливалось и систематизировалось *очень долго*. Конечно, основной массив знания,

которое требовалось для управления обществом и для конструирования новых социальных форм, по своему типу относился к традиционному знанию, накапливаемому во всех слоях общества и особенно чиновниками, правителями, военачальниками. Однако существенная часть этого знания к XVII веку уже относилась к протонаучному знанию, готовому к совмещению с требованиями *научной* рациональности. Это – очень важный фактор. Заменить длительный процесс «созревания» и выработки определенных интеллектуальных навыков в столь большой части общества форсированными программами очень трудно, а часто и вовсе не удается.

Россия оказалась именно в таком положении: создание обществоведческих трактатов и реальное их обсуждение в обществе и государственном аппарате начались только в XIX веке. О крестьянах, которые представляли главный социальный и культурный тип, который «держал» Россию, стали писать только после реформы 1861 года. Традиционное знание, основанное на длительном опыте государственного строительства и общественной жизни, накапливалось так же, как и в других цивилизациях. Однако требовались чрезвычайные усилия, чтобы подготовить массивы этого знания к соединению их с научным методом. На это просто *не хватило времени*, и гуманитарно-образованная часть общества не успела совершить мировоззренческий переход, необходимый для создания научного обществоведения.

Сейчас некоторые видные философы и социологи предла-

гают отказаться от демаркации между разными *типами* знания об обществе, не выделять *научный* тип знания как особый. В этом выделении они видят (и справедливо) дискриминацию более ранних (шире – иных) познавательных систем. На упомянутом «круглом столе» 1996 года Ю.Н. Давыдов предложил все типы знания об обществе считать *научными*. Это дела не меняет и когнитивного конфликта не устраняет, но лишает нас важного критерия различения познавательных систем. А различение необходимо для интеграции знания («прежде чем объединяться, надо размежеваться»).

В начале XX века в системе знания о российском обществе наблюдался отказ за отказом – система была рыхлой, не имела сильного интегрирующего научного ядра. Государство и общество развивались при остром дефиците *знания о самих себе*. Задача, которая была ясна образованной части общества и государству, заключалась в том, чтобы в период империализма провести модернизацию, не будучи втянутыми в периферию западного капитализма в качестве дополняющей экономики. Эту угрозу создавало вторжение западного капитализма (особенно финансового) в хозяйство России с конца XIX века.

Царское правительство искало способы избежать такого хода событий. Было предложено много ценных идей и принято много важных решений – например, решение ввести в России народнохозяйственное планирование. В 1907 го-

ду Министерство путей сообщения составило первый *пятилетний план*, а деловые круги «горячо приветствовали этот почин» (русский капитализм тоже пытался избежать перспективы быть «переваренным» западным капиталом). Более широкие комплексные планы стала выработать «Межведомственная комиссия для составления плана работ по улучшению и развитию водяных сообщений Империи», которая работала в 1909–1912 годах. Реализации этих планов помешала слабость госаппарата и начавшаяся война.

Однако в общем задачу преодолеть кризис модернизации в рамках сословного общества решить не смогли, Российская империя попала, по выражению М. Вебера, в «историческую ловушку» – систему взаимодействующих порочных кругов. Что бы ни делало царское правительство, недовольство нарастало. Наличием этих порочных кругов Вебер объясняет, в частности, враждебное отношение самодержавия к *земству* как институту самоуправления, а значит, к значительной части дворянства и интеллигенции.

В попытках остановить революцию самодержавие было вынуждено подавлять своих естественных союзников. Дав урезанную, выхолощенную конституцию (Манифест 17 октября 1905 года), самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно только ухудшало ситуацию, но не имело возможности ее улучшить. «Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не на-

нося себе при этом смертельный удар», – писал Вебер.

Из этого, кстати, видно, какова была глубина той исторической ловушки, в которую попала Россия, становясь страной периферийного капитализма. Самодержавие при всем желании не могло ослабить барьер против либеральной модернизации, поскольку при этом был слишком велик риск, что из-под контроля выйдут уже гораздо более мощные силы «архаического коммунизма». Перед разгоном I Государственной думы (через 72 дня после начала ее работы, 8 июля 1906 года) лидер октябристов А.И. Гучков писал о двух вариантах – смене правого правительства или роспуске Думы: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае – диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь, да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?».

Так дело довели до революции – во многом из-за недостатка знания. У власти даже отсутствовали адекватные российской реальности индикаторы, с помощью которых можно было бы следить за ходом общественных процессов. В результате власть делала ошибки, которых, в принципе, можно было бы избежать. Царю было присуще наивное (*аутистическое*) представление о реальности, главные противоречия которой якобы могут быть разрешены общенародной любо-

вью к монарху и его непререкаемым авторитетом. Так, вера царя в крестьянский монархизм в существенной мере предопределяла неадекватность всей его политической доктрины.

Летом 1905 года, уже в разгар революции, при обсуждении с царем положения о выборах в Государственную думу один сановник предложил исключить грамотность как условие для избрания. Он сказал: «Неграмотные мужики, будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Министр финансов Коковцов возразил, сказав, что неграмотные «будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие». Однако, как он вспоминает, царь обрадовался благонадежности безграмотных. В тот момент это уже было не просто ошибочным, но и очень опасным взглядом – отлучение крестьян от образования стало одной из важных причин их сдвига к революционным установкам.

После начала войны с Японией, которую большинство народа быстро стало воспринимать как трагедию, в правящей верхушке возникла утопия «небольшой победоносной войны», которая, как считалось, укрепит монархию. Насколько верхушка уже была оторвана от реальности, говорит простодушная похвальба по этому поводу царя П.А. Столыпину, тогда саратовскому губернатору: «Если б интеллигенты знали, с каким энтузиазмом меня принимает народ, они так бы и присели».

Для нас важен факт, что несостоятельным оказалось и то обществоведение, на представлениях которого строили свои доктрины силы оппозиции. Прежде всего, это ведущая либерально-буржуазная партия (партия Народной свободы, «конституционные демократы» – *кадеты*), которая была реформистской и стремилась предотвратить революцию. Она собрала цвет интеллигенции, имела большую финансовую поддержку. Кадеты являлись интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов. Склонные к рефлексии, кадеты оставили множество ярких выступлений, которые в совокупности служат для нас важным свидетельством эпохи. Они создали обширную прессу – до 70 центральных и местных газет и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных. И при этом их представления о России и ходе исторического процесса являлись ошибочными.

Главное противоречие программы кадетов заключалось в том, что они стремились ослабить или устранить тот барьер, который ставило на пути развития либерального капиталистического общества самодержавие с его сословным бюрократическим государством. Но Вебер предвидел, что при этом через прорванную кадетами плотину хлынет мощный антибуржуазный революционный поток, так что идеалы кадетов станут абсолютно недостижимы. Либеральная аграрная реформа, проведение которой требовали кадеты, «по

всей вероятности мощно усилит в экономической практике, как и в экономическом сознании масс, архаический, по своей сущности, коммунизм крестьян», – вот вывод Вебера. Таким образом, их реформа «должна замедлить развитие западноевропейской индивидуалистической культуры».

При этом политические требования кадетов как будто совпадали с крестьянскими – и те и другие поддерживали идею всеобщего избирательного права. Но Вебер считал, что эти взгляды кадетов ошибочны, потому что крестьяне исходят из совсем иного основания: в их глазах всякие ограничения избирательного права противоречат традиции русской общины, в которой каждый землепользователь имел право голоса. Как пишет Вебер, «ни из чего не видно, что крестьянство симпатизирует идеалу личной свободы в западноевропейском духе. Гораздо больше шансов, что случится прямо противоположное. Потому что весь образ жизни в сельской России определяется институтом полевой общины».

Вебер писал, что кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, которые устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по словам Вебера, ничего не оставалось, кроме как надеяться, что их враг – царское правительство – не допустит реформы, за которую они боролись. Редкостная историческая ситуация, и нам было бы очень полезно проанализировать ее сегодня. Неудача кадетов очень важна для понимания России.

Другая важная сторона конституционализма – его несов-

местимость со сложившимся в России типом *сосуществования народов*. Приняв за идеал государственного и общественного устройства Запад, либералы заведомо вели дело к разрушению России как многонациональной евразийской державы. Таким образом, в случае успеха (как это и случилось в феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на катастрофу, за которой должен был последовать неминуемый откат, реставрация, уничтожающая тогдашних носителей западного либерализма. Тот факт, что кадеты этого не предвидели, говорит о серьезном дефекте когнитивной структуры их обществоведения.

Ошибочными были и представления о России *социал-демократов*, которые следовали установкам ортодоксального марксизма. Конфликт между этими установками и цивилизационными особенностями России сыграл очень важную роль в нашей судьбе в XX веке, и о нем мы будем говорить отдельно. Здесь скажем только, что в конце XIX века он выразился в том разгроме, который марксисты учинили народничеству (по прямому указанию Маркса). Это привело к тому, что было надолго задвинуто в тень ценное знание о России, которое собрали народники, разрабатывая концепцию «неподражательного пути» развития России.

Легальный марксист П. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьянами, есть

лишь продукт отсталости: «Привить этому строю культуру – значит его разрушить». Распространенным было и убеждение, что разрушение (разложение) этого строя капитализмом западного типа уже стремительно идет в России. Плеханов считал, что оно уже состоялось. М.И. Туган-Барановский (легальный марксист, а затем кадет) в своей известной книге «Основы политической экономии» признавал, что при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезает... И в настоящее время в России господствует тот же хозяйственный строй, что и на Западе».

Большую роль в подавлении народников сыграл молодой В.И. Ленин и его фундаментальный труд «Развитие капитализма в России» (1899). Главной задачей этого труда сам Ленин считал укрепление марксистских взглядов на исторический процесс в России.

Ленин делает радикальный вывод об изменении классового строя российской деревни: «Доброму народнику и в голову не приходило, что, покуда сочинялись и опровергались всяческие проекты, капитализм шел своим путем... Старое крестьянство не только “дифференцируется”, оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, – типами, которые являются базисом общества с господствующим

щим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы – сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».

Здесь реальность российской деревни втискивается в модель, которую Маркс разработал на материале «раскрестьянивания» в Англии – в совершенно иных условиях. Модель марксистов – как большевиков, так и «легальных» – была неадекватна в принципе, не в мелочах, а в самой своей сути. Но эта модель становилась главенствующей в России. При частной собственности на землю аграрное перенаселение в России позволило поднять арендную плату в 4–5 раз выше капиталистической ренты. Поэтому укреплялось не капиталистическое, а трудовое крестьянское хозяйство – процесс шел совершенно иначе, чем на Западе.

Ведущий экономист-аграрник А.В. Чаянов писал: «В России в период, начиная с освобождения крестьян (1861 г.) и до революции 1917 г., в аграрном секторе существовало рядом с крупным капиталистическим крестьянское семейное хозяйство, что и привело к разрушению первого, ибо малоземельные крестьяне платили за землю больше, чем давала рента капиталистического сельского хозяйства, что неизбежно вело к распродаже крупной земельной собственности крестьянам».

Из всех левых политических движений России лишь боль-

шевики и, в меньшей степени, левые эсеры преодолели евроцентризм марксизма, освоив уроки революции 1905–1907 годов. Ленин понял ошибочность главных выводов своего труда «Развитие капитализма в России». Это была «плодотворная ошибка», которая вела к новой теории революции – не с целью расчистки пространства для развития капитализма, а как средство предотвратить втягивание России в периферийный капитализм с раскрестьяниванием и архаизацией хозяйства.

Важной вехой на этом пути была статья Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908). В ней дана совершенно новая трактовка русской революции. Ленин очень осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно предотвращение этого господства – стремление *не пойти* по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран. Такое «преодоление» марксизма привело, однако, к глубокому расколу с меньшевиками.

Вебер считал, внимательно изучая нашу революцию 1905 года, что происходящие в России процессы имели фундаментальное значение для обществоведения. Это было первое крупномасштабное столкновение традиционного (в ос-

новном крестьянского) общества с наступающим на него современным капитализмом. Такое столкновение давало очень ценное знание как о современном капитализме, так и о его главном противнике – традиционном обществе. Вебер даже изучил русский язык, чтобы следить за ходом событий.

Методологическая слабость российского обществоведения во многом предопределила невозможность для общества и власти осваивать в режиме реального времени смысл тех цивилизационных проектов, которые в тот период «конкурировали» на общественной сцене России. Усваивался только верхушечный политический смысл. Если бы общество успевало понять глубинный смысл и «взвесить» потенциал всех проектов, то, возможно, не произошло бы тотальной катастрофы, которая последовала за революцией. Противоречия в России не были до такой степени антагонистическими, чтобы с неизбежностью разрешиться в гражданской войне.

Так, главными противниками империи и монархии были либералы, которые следовали утопии создания в России экономической и политической системы по западному образцу. Но если бы был найден компромисс монархистов с цивилизационно более близкими революционными силами «почвенников», то процесс мог бы пойти по пути реформ – социальная база либералов была недостаточна для гражданской войны. Эсеры также могли бы вступить в диалог с теми, кто находился под влиянием крестьянского мировоззрения,

и войти в исторический блок с консерваторами и большевиками.

Но в обществоведении понимание хода исторических процессов резко отстало. Сейчас пишут, что Ленин и Столыпин верно поняли состояние России, но пошли разными путями, следовали разным проектам. Однако оба их проекта были поняты лишь на уровне интуиции, очень большая часть созданного в них *знания*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.